

Доменико
Дара

Малъинверно

INSPIRIA

Москва

2024

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Ита)-44
Д20

Domenico Dara
MALINVERNO

Copyright © 2020 Domenico Dara
Published in agreement with Piergiorgio Nicolazzini
Literary Agency (PNLA)

В оформлении использованы фотографии *Веры Приймак*
Перевод с итальянского *Владимира Лукьянчука*

Дара, Доменико.
Д20 **Мальинверно / Доменико Дара :** [перевод с итальянского В. Лукьянчука]. — Москва : Эксмо, 2024. — 384 с.

ISBN 978-5-04-179053-0

Есть места, где слова романов и стихов звучат отовсюду, а имена жителей наводят на мысли о героях мировой литературы. Город Тимпамара стал таким местом с тех пор, как много лет назад здесь была построена бумажная фабрика.

В 1960-х годах на городском кладбище обнаруживается безымянная могила, тайну которой суждено открыть хромому библиотекаря и хранителю кладбища Астольфо Мальинверно. Как средневековый монах из романа Умберто Эко, Мальинверно увлечен историями и тайнами Вселенной. Любитель книг с ярким воображением, Астольфо смешивает сюжеты романов с судьбами тимпамарцев — живых и умерших, но больше всего его интригует надгробие без имени и дат с фотографией женщины. Со временем он решает проникнуть в тайну этого лица. Астольфо называет ее Эммой Руо, как героиню «Мадам Бовари» Флобера. Через несколько месяцев он находит цветок перед надгробием Эммы. Что это значит? Цветы продолжают появляться, пока несколько недель спустя Астольфо не видит женщину, оставляющую другую цветок, и, к удивлению Астольфо, она идентична образу таинственной Эммы...

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Ита)-44

© Лукьянчук В., перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление. Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-179053-0

Моей жене Розе

Когда я появился на свет, мне было двенадцать лет, пять месяцев и сто шестьдесят четыре часа. Ибо мы не рождаемся в тот миг, когда чья-то незнакомая рука извлекает нас и переносит в бесконечный и загадочный поток истории, а гораздо раньше, когда мысль о нас западает в голову еще неженатых мужчин и женщин, когда имя еще несуществующего создания только вырисовывается на туманном горизонте возможной жизни. Мы в большей степени состоим из мыслей, чем из плоти, и мысли эти проникают в нашу кровь из идей того, кто нас задумал, поэтому мы наследуем не только цвет волос, кроткий взгляд или мягкое сердце, но также иллюзии, надежды и разочарования наших предков, которые в свою очередь унаследовали их от еще более древних, через поколения, ведущие свой род от прямоходящего, рудольфского и, наконец, первого человека, поэтому каждый из нас носит в себе как бы всю историю человечества в миниатюре.

Как возможность, гипотеза, замысел я, стало быть, существую ровно с того вечера, когда мой отец подумал, что обзавестись сыном — единственный способ забыть, что сам он им не был. По милости месье Бальзака моя жизнь все чаще стала выступать на первый план среди прочих гипотез. По милости Оноре и Курцио Вербика́ро, лудильщика в четвертом поколении и заядлого театрала, задумавшего тем летом поставить

на сцене своего погорелого театра «Папашу Горио» в собственном драматургическом переложении.

Вито сидел во втором ряду возле матери и приходил в волнение, когда старик Горио напыщенно говорил о своей любви к дочерям и, непонятно почему, в каждой сцене обнимал их, проливая слезы.

Вито Мальинверно, мой родитель, об отце мог только мечтать, тот умер, когда он был еще маленьким, и если в мире есть чувство, способное хоть как-то смягчить и исцелить боль безотцовщины, то это — безмерное и безусловное чувство любви отца Горио. И именно в этот момент, прекрасным летним вечером, в то время как парижские колокола звонили по усопшему, в то время как Эжен Растиньяк в черном плаще шел по кладбищу Пер-Лашез, именно в тот миг, как между Тимпамарой и городом Люмьеров умирало неизвестно сколько отцов Горио, я занял свое место в истории человечества.

Церковные часы показывали шесть двадцать шесть, дня тридцатого, месяца ноября, года тысяча девятьсот тридцать пятого, когда я родился, на три недели позже Алена Делона и на день раньше Вуди Аллена, помесью которых я точно не был.

Это было не самое лучшее время для рождения: Италия напала на Эфиопию, за что демоплутократические державы наложили на нее эмбарго. Я появился на свет во время автократии, в эпоху экономического кризиса, когда плуг вспахивал землю, а сабля его защищала, когда заваривали чай каркаде, носили казеиновые шарфы, дымил бурый уголь, кофе смешивали с цикорием, все разводили кроликов и прирастались к касторовому маслу.

Я появился на свет в эпоху экзистенциального кризиса.

Короткое время и не в этой жизни я был единственным сыном, родившимся хромым из-за несбалансированного развития организма, ставшего физическим знаком перекошенного времени, в котором жил мир, и слепоты Природы, которая, раздавая охапками жизнь и смерть, изредка ошибалась в выборе.

Мой врожденный порок был замечен не сразу. Взяв меня на руки, едва я вышел из материнской утробы, Вито Мальинверно понял, что не ошибался, что любить мое маленькое тело станет его утешением и что единственный способ, которым люди могут исправить ошибку злосчастной судьбы, — это не дать ей повториться в детях. Понадобилось четырнадцать месяцев, чтобы моя хромота обнаружилась. Пока меня носили на руках, я был такой же, как все: и когда я спал, и когда меня пеленали, и когда ставили на ноги в кроватке, чтобы я попрыгал, я был такой же, как все малыши, живущие на родительских руках, в уравновешивающем всех воздухе. Пока не попытался сделать первые шаги, выстраданные и замедленные, точно высадка на Луну.

Попробовал и упал.

Отец на секунду отпустил мои руки, я сделал шаг и падал. Шаг — и все насмарку. Так продолжалось несколько дней, после чего меня показали участковому доктору. Тот измерил длину моих ног, как замеряют доски из орехового дерева обычным складным метром, и вынес приговор: разница минимальная, левая короче правой на два сантиметра. Я стал обычным ребенком.

— А исправить можно? — спросил отец.

— Нет, — отрезал доктор.

Вито вернулся домой, как с похорон, прижимая меня к груди еще сильнее, он любил меня еще больше, ибо сейчас его безмерная любовь должна была подрасти еще на два сантиметра и восполнить недостающую

плоть, ибо если замечаешь изъян в человеке, которого любишь, то должен помочь от него избавиться, и для этого, видимо, нужна любовь, — чувствовать себя необходимым, быть клеем для треснувшего стекла, заплаткой на рваной одежде, швом на кровоточащей ране.

Меня зовут Астольфо Мальинверно. В любом другом месте на земном шаре такое имя сочли бы причудливым и несуразным; когда такие имена произносятся в классе, все прыскают со смеха, а когдаходишь в бар — усмеваются исподтишка. К счастью, я рожден в Тимпамаре, правильном месте, подтверждающем, что если рождаешься здесь, пророчества справедливости непременно сбываются.

Здесь существовала самая старая в Калабрии бумажная фабрика.

Построена она была в середине девятнадцатого века. Тогдашний управитель финансами провинции Гаэтано Каккúри объездил всю местность, вдумчиво все изучил, проанализировал, взвесил и выбрал для строительства фабрики это место, формально — потому что здесь много леса и чистой воды, на самом деле потому, что влюбился в неопишемую красавицу Катáру Казабону, ради которой бросил жену и детей. Тем самым счастливая судьба жителей Тимпамары обязана тайным, вкрадчивым ласкам дочери вонючего дубильщика кож и, возможно, в этом тоже осуществлялось странное пророчество.

В начале двадцатого века, когда красота Катáры Казабоны угасла, а циклически повторявшиеся вселенские потоны разрушили половину города, управляющий финансами отступился и продал то, что осталось от фабрики, богатому местному промышленнику Саверио Сеттиньяно, решившему официально вложить в нее свои средства, потому что бумажная фабрика

была одним из важных ресурсов экономики Калабрии, а на самом деле потому, что влюбился в пышногрудую красотку Анджелику Сарачену, ради округлостей которой бросил детей и жену. Когда об этом стало известно, жены промышленников запретили своим мужьям ездить по нашим местам.

Сеттиньяно, ловкий предприниматель, решил объединить приятное с полезным и расширил фабрику постройкой комбината по переработке макулатуры. За несколько лет от Марины-ди-Амендолара до Мелитоди-Порто-Сальво¹ Тимпамара стала известна как бумажный город: каждую неделю здесь сгружали сотни килограммов журналов, газет, плакатов, рекламных проспектов, папок, документов, но, самое главное, тысячи и тысячи старых книг, выброшенных за ненадобностью.

Новое предприятие помогло людям выжить, их не засосало в воронку эмиграции, как большинство лучшей молодежи из окрестных городов, бросившей землю, которая от засухи трескалась.

Для этой земли, где испокон веку дубили кожу, переработка макулатуры стала воистину спасением, работа с податливой бумагой исцелила мозолистые руки, обожженные кислотами и огрубевшие от тяжелых скребков для мездры. Даже очерстевшие души людей испытали загадочную метаморфозу.

Все началось с того, что какой-то рабочий, каждый раз перед тем как бросить в бочку с водой очередную порцию утильсырья, стал посматривать, что там написано: может, его заинтересовала фотография в газете

---

¹ М а р и н а - д и - А м е н д о л а р а находится на севере Калабрии, Мелитоди-Порто-Сальво — на юге, расстояние между этими прибрежными городами — 314 км. (*Здесь и далее примечания переводчика.*)

или спортивная новость, но времени дочитывать до конца не было, тогда он вырывал страницу и уносил ее с собой, может, и детям интересно будет; поэтому макулатурщиков привыкли узнавать по торчавшим из карманов листкам бумаги. Переход от статей к книгам не заставил себя долго ждать и, поскольку выпадали недели, когда тоннами сгружали одни старые книги, то вскоре их расшитые брошюры с перепутанными главами и сборники рассказов без обложек заменили вырванные из газет и журналов статьи. Вечером рабочие возвращались домой и после ужина усаживались на диван, доставали сложенные страницы и читали их или слушали в кругу семьи, распространяя бациллу пристрастия к чтению. Этому способствовал и западный ветер, прилетавший с моря и разносивший листы с грузовиков, из чанов, из груд макулатуры, сваленных на территории предприятия, и носивший по воздуху стаи французских романов, рои сонников, чаек со страницами «Отверженных» на белых крыльях, ласточек, зажавших в клювике приключения Гулливера, и фрагменты «Диалогов» Платона, припорошенных пылью цветущих платанов. В каждом углу Тимпамары, на балконах и подоконниках домов, на скамейках, багажниках автомобилей, на мусорных мешках и даже на дамских шляпках можно было прочесть страницу из романа. Люди поднимали их, пробегали глазами, если не занимало, клали в надежное место — на цветочную клумбу, на ступеньку, придавив камешком, чтобы и другие могли прочесть; а если нравилось, уносили с собой и хранили. Жители Тимпамары читали все и все запоминали словно вопреки судьбе, ждавшей эти книги в цехе переработки: там они были обречены на смерть, здесь им сохраняли жизнь.

Выходившие в ночную смену, чтобы не уснуть, пока идет вымачивание бумаги, принялись заучивать наизусть целые страницы и потом украшали ими свою

речь, встречаясь на городских площадях и в барах, — я свидетель — пересыпали свой крепкий неаполитанский за игрой в дурака стихами из Альфьери: *«Я одержу великую и страшную победу»*, или же, оставшись наедине, поступали так, как Торквато Бонвичино, цитировавший слова из «Грозового перевала», чтобы выпросить у жены прощения за измену: *«Я думаю только о тебе, постоянно, и если бы весь мир погиб, но ты бы осталась, я бы тоже продолжил жить, но если бы мир остался, а тебя бы не стало, я бы тоже погиб»*.

И даже вопреки их желанию, даже против человеческой воли слова из книг проникали в их плоть наподобие микробов и разносились кровью по всему организму, чтобы засесть потом в голове и при случае быть оттуда извлеченными, так что приезжие поражались, что у нас никто не говорит на диалекте, а только на богатом и возвышенном итальянском языке.

С определенных пор эти истории стали влиять на жизнь новорожденных, когда Рокко Скандале в отместку отцу не назвал только что родившегося у него сына отцовским именем, а дал ему имя Виктор¹ — так записано и так произносится.

Жизнь в Тимпамаре протекала следующим образом: когда кому-то удавалось дать пинка ее монотонному однообразию, все следовали его примеру. С тех пор жители города сочли, что вольны покончить с фольклором и традициями и стали давать своим детям имена бумажных героев; в дальнейшем у нас появились свои Марсельпру́, Вольфганги, Вертеры, Демокриты, Проперции, Фьяметты, Ортисы, братья Гаргантюа и Пантагрюэль. Имена выбирались сообразно вкусу, но также в зависимости от того, откуда свозили к нам книги. Когда шел поток грузовиков

---

¹ Victor Hugo (франц.) — Виктор Гюго.

из закрывшейся музыкальной библиотеки с обилием хранившихся в ней партитур, в Тимпамаре возник бешеный спрос на Валькирий, Брумилд, Армид, Отелло и Дездемон; банкротство издательства географических атласов спровоцировало появление Афин, Женев, Луар, Галиций, Лиссабонов и Братислав.

Поэтому мое имя Астольфо Мальинверно ничем не отличалось от остальных, не считая меня самого; когда в школе Ахиллес Серрасанбруно в оправдание своей драчливости заявил, что носит имя великого греческого героя, победившего всех врагов, включая хромоногих, я застенчиво, но с твердостью в голосе ответил ему, что в истории есть много героев, выигравших великие битвы и войны, но никто, ни один из них, еще не побывал на Луне.

Я — библиотекарь.

Первый, для точности, в Тимпамаре, и пока что единственный.

Когда все началось, библиотека находилась в центре города, в нижней его части, где пересекались три важные транспортные артерии, напротив церкви Святого Акария, покровителя города, исцеляющего от меланхолии, позаимствованного нами из Нуайона¹.

Посмотреть на нее сейчас, так это действительно библиотека с латунной вывеской при входе, книги расставлены по стеллажам, которые просматриваются сквозь стекла балкона, но все было не так, когда я впервые переступил ее порог. Мне было тогда тридцать четыре года. Я вошел в нее вместе с тогдашним советником мэрии, который привел меня туда после того, как увидел, что я читаю «Письма к Аттику» в скобяной лавке дяди, где я работал по окончании школы. Он купил четырнадцать восьмимиллиметровых болтов общим весом сто двадцать семь граммов, ровно столько, сколько требовалось, чтобы выправить мою колченогую судьбу.

— Ты любишь читать? — спросил он меня с ходу.

Через неделю он вернулся и принес собой какие-то бумаги: «Оторвись на пять минут и заполни эти документы».

---

¹ Ну а й о н — город на севере Франции. Святой Акарий (ум. ок. 640) был епископом Нуайона и Турне.